

Андрей
Жвалеvский

те, которые

роман

Андрей Валентинович Жвалевский

Те, которые

Серия «Самое время!»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8036078

Те, которые: Роман / Жвалевский Андрей: Время; Москва; 2019

ISBN 978-5-9691-1121-9

Аннотация

Роман в жанре brain fiction продолжает традиции «Мастера сглаза» и «Мастера силы». На сей раз переплелись судьбы четырех очень необычных людей. Первый путешествует из тела в тело, второй проживает жизнь заново, третий обладает даром исцеления, четвертая... четвертой не довелось родиться, но она тоже человек. Сначала кажется, что судьба случайно сталкивает их друг с другом, но постепенно становится понятно — случайностей не бывает...

Содержание

Человек первый. Агасфер (Человек, который не умер)	5
Пролог. Бессмертный	5
Личность первая. Художник	8
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Жвалевский

Те, которые

© Андрей Жвалевский, 2019

© «Время», 2019

* * *

Человек первый. Агасфер (Человек, который не умер)

Пролог. Бессмертный

Терпеть не могу умирать.

Все эти бредни про туннели со светом, тем более про ангелов, которые берут душеньку под белые ручки – чепуха и отсебятина!

Сколько ни умирал, ни одного ангела не видел. Яркий свет бывает в отдельных случаях, но только если отдаешь концы среди белого дня. Или при взрыве.

Когда душа...

Нет, неправильно. Правильно называть эту субстанцию не «душа», а просто «я».

Когда я на долю секунды оказываюсь без тела, возникает удивительное ощущение. Все органы чувств остаются в оболочке, так что я оказываюсь один на один со Вселенной. И воспринимаю ее всю сразу, все ее закоулки. Я сразу все вижу, слышу, пробую на зуб и на ощупь, вдыхаю все ароматы и получаю еще тысячи сигналов, которые описывать не берусь. Ну как, например, описать ощущение смысла? То есть когда перед тобой камень, и ты полностью понимаешь его предна-

значение, судьбу, историю...

Ну вот, сказал же – не берусь описывать, чего вдруг полез?

И вся эта какофония образов, звуков, смыслов, запахов... как бы это помягче... задалбливает со страшной силой. Рассудок не резиновый, чтобы все это в себя впитать, да еще с такой скоростью. Если бы в этот момент у меня был мозг, его бы взорвало так, что Большой взрыв показался бы новогодней хлопушкой. Память немедленно тошнит, выметая все лишнее, только этим и спасаюсь.

Поэтому я стараюсь умирать как можно реже.

Предпочитаю переселяться более естественным образом.

Это происходит само собой, без моего участия. Сначала начинают чесаться лопатки. Причем очень своеобразно, изнутри. Затем возникает запах валерьянки. Запах слышу только я. После этого лучше всего просто расслабиться и ждать. Обычно через пару секунд чувствую, что внутри моего нынешнего тела открывают клапан. Говорю старой оболочке «Счастливого оставаться» и выскальзываю из нее.

И тут же оказываюсь в новом теле. Без всякого, мать его, единения со Вселенной и постижения, мать их, смыслов.

В новом теле я еще немного наслаждаюсь ароматом валерьянки, обживаюсь и подключаюсь к памяти старого хозяина. О том, куда он исчезает с моим приходом, стараюсь не думать. Даже если и помирает совсем, я тут причем? Я его даже не выбирал, если уж на то пошло!

В общем обустройстваюсь и стараюсь жить долго и счастли-

во, пока снова не зачешутся лопатки.

Но тут был случай исключительный. Меня занесло в психа. В прошлом со мной это уже случалось, и ну его к черту, такое удовольствие! Когда все вокруг знают, что ты псих, можешь хоть наизнанку вывернуться, доказывая свою нормальность, все равно к тебе будут относиться как к психу. А тут еще оказалось, что меня занесло в тело психа милитаризованного. Насколько я успел понять, прежнего хозяина оболочки бросила какая-то училка, и теперь он собирал взрывное устройство, чтобы рвануть школу. Глубже я разбираться не стал, противно, ей-богу. Просто закоротил какие-то клеммы...

Уже потом, когда оболочку разрывало в лоскуты, я подумал, что сначала надо бы отвести тело на пустырь, а то вдруг за стенкой соседи пострадают. Но, кажется, этот Отелло с динамитом сидел в каком-то подвале.

А меня пронесло по Вселенной и занесло...

Личность первая. Художник

...в такое тело, что в первую секунду я пожалел об отсутствии взрывчатки под рукой.

Очередная оболочка принадлежала горькому пьянице. «Горькому» в данном случае не метафора. Во рту стоял мерзкий привкус, как будто я сожрал собственный желчный пузырь. А как воняло от этого туловища! Вряд ли бы нашелся ассенизатор, который осмелился бы подойти ко мне без противогаза.

Интересно, а как я выгляжу? Попытался обнаружить в пределах видимости зеркало, но не смог. А заодно не обнаружил: бытовой техники, осветительных приборов и, в общем-то, мебели. Обстановка комнаты, в которой я очутился, состояла из разнообразных обломков и обрывков, разбросанных по всему полу, истерзанной табуретки и матраца. Из белья на матраце был только я.

Принялся потрошить чужую память – и понял, что это удастся с трудом. Тело оказалось пропитано алкоголем, как урод в Петровской кунсткамере – формалином. Отравленная кровь омывала мозг, и с каждой секундой я соображал все хуже. Вспомнил только, что зовут меня Санька, лет мне то ли пятьдесят, то ли еще сколько, и что-то про какую-то Верку.

Следовало вывести эту дрянь из организма, а уж потом

разбираться с памятью. Я встал. Комната пошла ходуном. В животе забурчало. В ушах зазвенело. Я сел.

Нет, придется выспаться, а уж потом...

Концентрация спирта в мозгу достигла критической точки. Я завалился на бок и уснул в такой, казалось бы, непригодной для сна позе.

Сквозь дрему слышал, как кто-то ругался, тормозил меня, пытался что-то вложить в руку. Потом ругались, кажется, на кого-то еще. Потом стало плохо. Проснуться я не мог, и спать не мог, и вообще ничего не мог, даже сон смотрел, словно через грязное стекло. Снилось что-то из далекого моего прошлого. Какие-то унылые крестьяне в онучах, злобный усатый латник на лошади, скоморохи какие-то. Потом почему-то унтер-офицер в парадной форме, но без головы. И хохочущая девка в меховой шапке. У девки были раскосые глаза и кривая короткая сабля...

Просыпался долго, урывками, то и дело проваливаясь назад в сон. И память, которую я пытался проинспектировать, оказалась такая же лоскутная. Тем не менее удалось вспомнить кое-что про себя нынешнего (работал токарем, выгнали за пьянку, собираю бутылки, всю обстановку пропилил, собираюсь выгодно продать квартиру) и про Верку (прибилась возле гастронома, спит тут, но сексом мы с ней не занимаемся, хоть я и хвастаюсь во дворе).

Когда удалось проснуться более-менее окончательно, в комнате обнаружилась не только Верка, но еще двое моло-

дых людей, в отношении которых память была лаконична: «Классные пацаны!».

– Петрович! – обрадовался один из «пацанов». – Наконец-то!

Улыбка на его лице показалась неискренней. Второй «пацан» тоже выглядел неестественно приветливым. Он ничего говорить не стал, просто выхватил из-за пазухи и показал бутылку с салатового цвета жидкостью. И тут – честное слово, без моего участия! – моя рука взметнулась навстречу бутылке.

– Э, нет! – первый «пацан» перехватил руку и помахал перед моим носом какими-то бумагами. – Это мы уже проходили! Давай так: ты подписываешь бумажки, а потом гуляешь. Дэ-бэ-зэ?

«Пацаны» прямо лучились добродушием, но уж чего-чего, а таких улыбок я на своем веку... то есть на своих веках насмотрелся предостаточно. Именно с этим выражением придворные протягивали отраву государю, а казаки Ермака Тимофеевича предлагали медные тазы местному населению Сибири. Помню я, и как придворным был, и как местным населением...

Я упрямо мотнул головой. Говорить было нельзя. В желудке готовилось извержение. Стоит открыть рот...

Лица «пацанов» слегка изменились. Как будто совсем чуть-чуть, но даже туповатая с виду Верка тоненько попросила:

– Ребятки! Не бейте его, а? Он головой слабый. Он сейчас все подпишет, ага?

Мне пришлось напрячься, чтобы максимально быстро решить сразу две проблемы. Первая – «пацаны» и их подозрительные «бумажки». Вторая – тектонические процессы в желудке. Опыт подсказывает, что иногда такие проблемы неплохо уничтожают одна другую.

Я кивнул и протянул руку к договору.

– Молодец! – сказал первый «пацан», и оба они заметно расслабились.

Я взял документ. Это оказался договор о купле-продаже квартиры. Уже по сумме было понятно, что подписывать это нельзя ни в коем случае. Но и не подписывать нельзя, потому что изметелят основательно. Буду лежать, как овощ, и мучиться. Ну что ж, извините, пацаны.

– А где тут подписываться? – хотел сказать я, но после «А» последовал такой грандиозный фонтан, что собеседники отскочили на несколько шагов.

Договор оказался в полной негодности.

«Пацаны» перестали корчить из себя старых школьных приятелей. Первый заорал:

– Га-а-адство!

Второй вытащил из внутреннего кармана кастет.

Верка заголосила. Я покаянно оттирал договор, невнятно мыча.

– Хрен с ним, – процедил первый «пацан», и второй с

некоторым разочарованием убрал кастет в карман. – Завтра придем. И не дай бог!

Гости ушли, не попрощавшись.

Осталось выпроводить и некоторых из хозяев.

– Вера, – сказал я и внутренне содрогнулся от этого голоса, – сбегай до магазина.

– Так денег нет, миленький! – Верка вытащила из-за батареи темную тряпку и принялась отчищать мою одежду, хотя тряпка от одежды по цвету не отличалась.

– Так найди! – рявкнул я.

Чужая память похвалила меня. Именно так и надо было поступать с этой бестолочью. Верка вжала голову в плечи и выскочила за дверь. Я попытался захлопнуть за ней замок, но затея провалилась из-за отсутствия последнего. Пришлось выламывать рейку из шкафа и подпирать дверь, благо открывалась она внутрь.

Затем я попытался принять душ. Это удалось осуществить не сразу. Для начала я потратил часа два на чистку ванны и заодно – на приведение в рабочее состояние унитаза. Верка уже успела вернуться, ломилась в двери, чем-то призывно булькала и что-то причитала. Я не реагировал.

Еще какое-то время ушло на поиски мыла и свежего белья. Мыло нашел. Белье – нет. Пришлось начать со стирки. И только после того как относительно чистая одежда была развешена по батареям, я получил химически чистое наслаждение в виде душа.

Сразу стало легче. Удалось даже придумать что-то вроде плана.

* * *

Проще всего оказалось избавиться от парней с договором. Я решил его все-таки сначала прочитать, а потом выбросить. Документ оказался очень интересным. Я очень кстати всего три... нет, четыре жизни назад занимался юриспруденцией. Так вот, в этом договоре не хватало только пункта «Все описанное здесь подпадает под действие статьи УК РФ 159 “Мошенничество”». Сразу становилось понятно, что «пацаны» – ребята недалекие. Скорее всего, кустари-одиночки с кастетом.

Поэтому наавтра я их встретил радушно и сразу позвал в комнату. «Пацаны» откровенно удивились моему трезвому и почти опрятному виду, но перспектива наконец закончить эту бодягу заставила их забыть об осторожности. Они пошли со мной, вручили свежий экземпляр договора и даже оказались настолько любезны, что пояснили вслух некоторые непонятные для меня моменты.

Я вежливо поблагодарил их, но на требование «подписать по-бырому» достал работающий диктофон. Пресекая естественное желание «пацанов» расхерачить пишущее устройство о мою голову, с кухни появился участковый в компании с понятыми. Он слегка надавил, я чуть-чуть добавил – и «па-

цаны» поплыли. Если бы они оказались тертыми парнями, то хладнокровно послали бы всех в совершенно определенное место, потому что, честно говоря, все эти диктофоны и понятые с точки зрения суда – глупость и провокация. Но «пацаны», судя по всему, впервые встретили отпор, да еще и с привлечением правоохранительных органов. Они тут же, на подоконнике, настрочили признательные показания.

Когда наряд уводил «пацанов», участковый даже пожал мне руку:

– Спасибо, Петрович. Я уж думал, ты только чернила бухать умеешь.

И тут же добавил поперек собственной логики:

– Может, тебе мерзавчика проставить? За помощь в повышении раскрываемости?

От мерзавчика я твердо отказался. Участковый, по-моему, огорчился и ушел, недоверчиво на меня поглядывая.

Следующая проблема – избавиться от Верки – оказалась более сложной. Верка не обладала интеллектом Марии Кюри (и даже внешне ей проигрывала), зато хватку имела такую, что любая анаконда лопнула бы от зависти. Слава богу, в первый же день удалось найти в шкафу и установить дверной замок, иначе она проникла бы в мое жилище и окопалась бы в нем, зарывшись в бетон перекрытия.

Я ей грозил, просил, убеждал, даже слегка побил. Верка все терпела, со всем соглашалась, иногда плакала, но от двери квартиры старалась не отходить. Перед операцией по за-

хвату «пацанов» я упростил участкового поддержать ее в «обезьяннике», но он, собака неблагодарная, немедленно выпустил Верку, как только операция была завершена.

Тогда я просто перестал Верку замечать. Если пыталась проникнуть в жилище, молча отпихивал. Хватала за рукав – вырывался, глядя в стену, и уходил. Мне было жалко ее, честное слово, но сейчас было не до личной жизни.

В конце концов она это поняла, напоследок устроила показательный скандал, чтобы все соседи слышали, какой я импотент и выродок, и ушла.

Теперь можно было спокойно заняться третьей, главной, темой для размышлений – а дальше что?

Я бродил по квартире, механически собирал мусор и складывал его в центре комнаты на куске обоев, а попутно думал.

Бросить и это тело, надеясь, что в следующий раз повезет больше? Это, конечно, выход. Но неожиданно во мне разыграло ретивое. Что я прыгаю, как кузнечик? У меня есть мозги... Ну ладно, мозги у меня основательно отравленные бормотухой, но огромный опыт дает кое-какие преимущества. В конце концов, это интересно – вывести в дамки шашку с первой линии доски. Строго говоря, моя шашка даже на доске не значится, валяется где-то за ее пределами.

Куча мусора в центре комнаты росла, зато вокруг нее понемногу образовывалось пригодное для жизни пространство. И от этого становилось легче на душе.

Когда я волок мусор к помойке, решение почти созрело.

Я собирался доказать миру, что совсем пропавших людей не бывает. Оставалось только придумать, как именно моя шашка пройдет мимо всех других – своих и чужих – и окажется на последней горизонтали, чтобы перевернуться и продемонстрировать всем свою внутреннюю сущность.

Контейнер был совершенно полон, мне пришлось потрудиться, чтобы новая порция удержалась на макушке мусорного Эвереста. Это удалось, что я счел отличным предзнаменованием. Отошел на пару шагов и полюбовался. В этом была своя прелесть: жесткое зеленое основание контейнера ограничивало нижнюю часть айсберга отбросов, зато верхняя часть рвалась наружу, как отряд бунтарей. Пластик бутылок и жесть банок торчали турелями орудий. Обрывки ткани и пакетов напоминали боевые знамена в руках аквиферов, ведущих за собой отряды. Обломки досок и проволока смахивали на разрушенные линии укреплений.

«О! – обрадовался я. – Да я художник! Отличная функция тела!»

«Функцией тела» я зову талант, который хранится в оболочке. Есть руки, которые созданы для рисования, уши, обеспечивающие идеальный музыкальный слух, ноги, приспособленные для долгого изнурительного бега. Ну и мозги, конечно. Мозг прирожденного карманника и мозг интуитивного психолога устроены и работают по-разному. Все это и есть «функция тела».

Самое забавное, что хозяева оболочек часто и понятия не

имеют, для чего предназначены их руки, ноги, уши, а главное – мозги. Не умеют прислушаться к себе, больше доверяют чужому мнению или собственной лени. А я умею. Научился за многие годы.

И эти годы дали понять, что ярко выраженная «функция тела» – вещь редкая. На сей раз мне повезло. Мой алкаш имел глаза Рембрандта. Обнаружились у него (теперь у меня) в комплекте и воображение Дали, и упорство Гогена, и рука Саврасова. Саврасов, кстати, – близкая аналогия. Он, говорят, своих «Грачей» за поллитру воспроизводил неоднократно.

Домой я возвращался в неплохом настроении.

И его не замедлили испортить.

* * *

У входа в квартиру ждал участковый. Вид у него был виноватый.

– Привет, Петрович! – сказал он и сунул мне в руки листик.

Я пробежал ее глазами Рембрандта. Это было судебное предписание. За неуплату отключить все, что отключается. Воображение Дали тут же нарисовало апокалипсическую картину пещерного существования. Однако упорство Гогена потребовало не сдаваться.

– А сделать что-то можно? – спросил я как можно жалоб-

нее.

Участковый, неплохой, в целом, мужик, развел руками:

– Второй год не платишь. Давно пора. Сейчас, сам знаешь, с этим строго. А вообще и выселить могут...

Я посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

– А можно я у вас денег займу?

Вообще-то следовало к участковому обратиться по имени-отчеству, но его в дырявой памяти не оказалось. Может, и к лучшему. Участковый и без того чувствовал себя людомедом.

– Да нет у меня... То-се... Кредит...

– Врете ведь, – грустно сказал я.

Кровь понемногу окрашивала круглую физиономию участкового в цвет советского флага. Мужик явно врал.

– Думаете, я пропью... У вас есть все основания. Но... извините, как вас по имени-отчеству?

– Вениамин Петрович, – извиняющимся голосом произнес участковый.

– Так мы, считай, тезки! – теперь я имел полное право перейти на ты. – Ты Петрович, и я Петрович! Слушай! Заплати за мою хату хоть чуток! Пусть видят, что я начал погашать!

«Почти тезка» тяжело вздохнул, что на международном языке междометий соответствует белому флагу.

– Я же новую жизнь начал! Не пью третий день! Мусор выбросил!

Я распахнул дверь, чтобы доказать правдивость своих

слов. Вениамин Петрович заглянул внутрь и погрузился еще больше.

– Ладно, – буркнул он, отнимая у меня злосчастную бумажку, – скажу, тебя дома не было... И за квартиру положу полтинник...

– Я верну! – сказал я с предельно возможной искренностью. – Сегодня же пойду искать работу!

– Ну смотри, – только и сказал участковый, с сомнением покачивая головой.

Так и ушел, качая фуражкой, как будто сам себя уговаривал, но сам с собой не соглашался.

А я понял, что на пути к мольберту придется заняться более прозаическими видами зарабатывания на жизнь.

* * *

За века шатания по чужим телам я не раз сталкивался с проблемой, как теперь говорят, профессиональной переподготовки. И, честно говоря, чем дальше в капитализм, тем проще этим заниматься. Раньше приходилось больше руками работать: мечом или молотом махать, мастерить чего-нибудь, но чаще всего – пахать землю. Все это занятия большей частью незамысловатые, овладеть не проблема. Но чтобы с их помощью обеспечить себе пристойное существование – это нужно иметь ярко выраженную функцию тела. А иногда и этого недостаточно: крепостной может оказаться прирощ-

денным химиком, да кто ж его к ретортам допустит?

Теперь не то. Вертикальная социальная мобильность сумасшедшая, а многие козырные профессии требуют только умения компостировать людям мозги. Этому я успел отлично обучиться, с моей-то практикой. Способы навешивания лапши на уши... простите, способы манипулирования людьми не меняются, потому что люди в сути своей остаются одинаковыми, несмотря на все эти пыхтящие-жужжащие-мигающие приспособы, которыми они себя так любят окружать. Все равно у каждого есть пунтик, есть крючок. Зацепишь его – человек твой, как карась на удочке. Он может даже считать, что управляет ситуацией, управляет мной, кузнец своего счастья и все такое...

Ей-богу, лошадь под седлом гораздо более свободна, чем какой-нибудь тиран, особенно если в постели у этого тирана – умная, тонкая и умелая женщина.

Так что в ХХI веке нужно всего лишь сообразить, как лучше использовать свое умение сажать людей на крючки и дергать за ниточки. Профессии менеджера, юриста или консультанта (о, каким я умею быть консультантом!) для меня пока закрыты. Мобильность мобильностью, но не до такой же степени.

Для начала нужно обеспечить себя минимальным доходом. Во-первых, придется как можно быстрее расплатиться с участковым. Это произведет на него неизгладимое впечатление, а пока Вениамин Петрович для меня – помощник но-

мер один, и грех такими разбрасываться.

Во-вторых, хорошо бы чем-то питаться. Первые дни после заселения в оболочку я тупо голодал, выводя из себя всякую дрянь, которой питался предыдущий хозяин. Продержаться без еды я мог довольно долго. Меня пару раз заносило то в тело буддийского монаха, то – в православного отшельника, так что опыт есть.

Тут все зависит от того, как себя настроишь. Голод – это не физиология. Это психология чистой воды. Человек с детства привыкает есть, он едой себя не столько насыщает, сколько утешает.

(Кстати, совершенно не помню своего детства. Вообще. Никаких обрывочных образов, которые так любят описывать в «серьезной прозе». Может, у меня и не было никакого детства?)

Даже в таком дохлом туловище, которое мне досталось в наследство от алкаша Петровича, запасов хватит на пару недель. Но мои амбициозные планы простирались гораздо дальше. Следовательно, туловище придется кормить. Понемногу, дешевыми, но здоровыми продуктами.

Поэтому я начал с малого. Пошел в местный ЖЭК и устроился дворником. Директора противоречивые чувства раздирали так, что лицо перекосилось по диагонали. С одной стороны, дворники славянской национальности в нашем городе встречаются редко. Возьми он меня – из соседних домоуправлений ходить будут на экскурсии. С другой стороны,

прежний владелец тела имел репутацию устойчиво-негативную. С третьей стороны, жилье у меня есть, не нужно напрягаться по поводу служебной квартиры.

Эта – третья – сторона и стала, видимо, решающим аргументом.

– Смотри, Петрович! – сказал директор. – Пропьешь лопаты – выселю к хренам собачьим.

Тут он что-то вспомнил и хищно напрягся:

– Та-а-ак! А ты ведь у нас в злобных неплательщиках...

– Был, – покаянно сказал я и даже понурил голову, – но начал исправляться. Первый платеж произведен.

Директор перезвонил бухгалтеру, потом приказал принести какие-то ведомости, долго изучал и сказал:

– Ну-ну...

Чтобы окончательно задобрить работодателя, пришлось написать заявление, по которому половина зарплаты автоматически уходила на погашение долга.

В результате дворником я стал, но свободного капитала должно было хватить только на удовлетворение основных нужд. А нужно было одеться, купить кое-какие материалы... да и дом слегка обставить не мешало бы.

Пораскинув мозгами, я отправился в гастроном.

* * *

Бригадир грузчиков раза три осмотрел меня, прежде чем

ответить.

– Не понял, – сказал он, – это приколы такой, да?

Я был вынужден внутренне с ним согласиться. По сравнению с бригадиром и его дюжими парнями выглядел я несколько смешно. Но внешне изобразил бравость и готовность к проверке боем.

– Я жилистый! Ты испытай меня, командир!

«Командир» ему понравился. Грубая лесть – что может быть приятнее для скудного духом и умом?

Полдня я таскал ящики от грузовика в подсобку. Не знаю, куда отправилась душа Петровича, который наградил меня таким изношенным телом, но икалось ей в тот день изрядно. Последний ящик я тащил почти на ощупь – перед глазами плясали красные тени. Даже бригадир впечатлился моим трудовым героизмом.

– Хорош на сегодня, – сказал он почти уважительно. – Держи зарплату.

И сунул в руки пакет с чем-то тяжелым. Я с трудом кивнул и, по-прежнему ничего не разбирая перед собой, осторожно выбрался на улицу. Присел на бордюр и на ощупь определил – в пакете бутылка. Сначала была мысль вернуться и потребовать деньги, но... ее тут же сменила идея лучше. Я отнес бутылку домой и рассмотрел ее. Это оказалась ярко-красная жидкость марки «Радость алкаша». Припрятав бутылку, полежал немного, приходя в себя, и занялся дыхательной гимнастикой. Дворником я начинал трудиться толь-

ко с завтрашнего утра, но сегодня меня ожидало еще одно дело.

После гимнастики принял душ, снова пожелал душе Петровича всяких неприятностей и завалился спать. Проснулся, когда за окном было уже совсем темно. До покупки часов было пока далеко, и я осмотрел улицу, чтобы сориентироваться по времени. Удовлетворенно хмыкнул: ларьки как раз закрывались. Память прежнего хозяина подсказывала, что вот-вот стукнет одиннадцать, и торговля спиртным замрет в лентаргии до девяти утра. Я даже почувствовал рефлексивное желание немедленно побежать и успеть, но удержался.

Вышел минут через пять после закрытия киосков, бережно неся за пазухой драгоценную бутыль. Подошел к киоску и стал ждать. Очень скоро появился клиент – подвыпивший мужик в мятом спортивном костюме и с зажатými в кулаке бумажками. Он поколотил в запертое окошечко, быстро прошел путь от уговоров до угроз в адрес невидимого продавца и развернулся, чтобы повлечь свою жажду в неуют квартиры.

И тут ему явился спаситель в моем небритом лице.

– Не продают? – сочувственно спросил я.

Мужик ответил в том духе, что нужно сурово наказывать тех, кто принимает такие дурные правила торговли.

– Хочешь, выручу? – спросил я и показал мужику горлышко с куском этикетки.

Он сразу посветлел лицом и выдохнул:

– Скока?

Я назвал. Он немного поторговался для виду, но выложил требуемую сумму, да еще и поблагодарил на прощание.

И я отправился домой, цитируя по памяти Маркса: «Нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради 300 % прибыли, хотя бы под страхом виселицы».

Виселица мне точно не грозила, но и норма прибыли была, прямо скажем, поменьше трехсот процентов.

* * *

Следующие пару месяцев превратились в унылую каторгу.

На рассвете я вставал, чтобы прибрать свой участок. В девять, а то и десять пробегался по чердакам да подвалам (за них я отвечал тоже). Потом легкий завтрак – и в магазин, таскать ящики. Обед, час вынужденной сиесты, во время которой отхожу от красных кругов перед глазами, снова двор, еще пару часов магазина, ужин, час-два сна и, наконец, утешение страждущих у киоска.

Самое противное, что в любой момент я мог эту каторгу бросить, свалить в неизвестном направлении, сиганув с крыши. Вряд ли мне попадется еще более неудачное тело. Но за пораженческие настроения я себя всячески клеймил и устраивал выволочки. Очень мне хотелось доказать себе, что я сильнее любой судьбы.

Эх, если бы не насквозь прогнившее туловище... Иногда

плакать хотелось от бессилия. Попадись мне эта оболочка хотя бы лет десять назад, когда она еще хоть как-то функционировала! Я бы ее до ума довел, была бы как новенькая. Но что тут сделаешь, когда циррозная печень дышать мешает.

Правда, материальное благосостояние росло неуклонно.

За квартиру платил регулярно, директор ЖЭКа нарадоваться не мог моему перерождению, которое он почему-то записал на свой счет. Я не спорил.

Питался скромно, но правильно. Любой диетолог пришел бы в умиление от моего меню: белки, жиры, углеводы и витамины в строгом соответствии с рекомендациями Минздрава. И по самым низким ценам, как любят говорить рекламщики.

Купил и кое-какие принадлежности для осуществления главного плана. Время от времени устраивал перерыв в карьере грузчика и учил свои руки рисованию. Способности способностями, а техника техникой.

Очень быстро погасил долг полутезке-участковому. И, как показал опыт, не зря. Мои вечерние торговые операции скоро стали ему известны. Если бы не хорошее отношение, получил бы я к своему циррозу еще и язву от казенной жрачки. Ну или, как минимум, отбитые в результате «сопротивления при задержании» почки.

А так Вениамин Петрович просто зашел в гости, сделал внушение и намекнул, что слишком нагло я себя веду. Я бо-жился, но не слишком усердно, но за предупреждение расплатился честно – бутылкой вполне питьевой водки. По-

скольку разговор происходил после двадцати трех, участковый водке обрадовался и забрал, пообещав для приличия, что вернет при случае.

Я с тех пор перестал нарываться на рожон. У киоска просто поджидал «клиентов», многие из которых узнавали меня в лицо, отводил в подъезд и уж там без лишних глаз доставал из тайника спасительную жидкость.

Бизнес мой рос и ширился, принося основную часть дохода.

И наступил момент, когда он вырос и расширился настолько, что начал кое-кому мешать.

* * *

У меня еще днем было тяжелое предчувствие. Я, правда, не понял, что это предчувствие. Просто ломало организм по полной программе. Видимо, я все-таки переоценил его утлые возможности. Кости ломило, в низу живота тянуло, голова кружилась, а самое неприятное, что красные круги перед глазами появились не после перетаскивания тяжестей, а до. От верной бутылки за работу грузчика пришлось отказаться. Даже поел немного больше обычного: тушеная фасоль с картошкой и апельсин.

Но все равно в глазах было темно, когда я вышел на вечерний свой промысел. Поэтому и не заметил вовремя четырех крепких парней в кожанках, которые поджидали у киоска. А

когда заметил, двое уже взяли меня в клещи, а один зашел сзади.

– Приторговываешь? – спросил самый угрюмый из парней.

Я изобразил радушие, насколько смог.

– Да нет, наоборот. Тут, говорят, один мужичонка по вечерам бухло толкает, – я принялся осматриваться в поисках самого себя, – может, видали?

Моя актерская игра не произвела на них никакого впечатления. Похоже, парни за мной наблюдали, прежде чем перейти к активной фазе. И, возможно, не один вечер. Вон того костлявого я вроде как вчера обслуживал.

– Видали, – беседу со мной продолжал все тот же угрюмый.

«Главный, – понял я, – нужно его уболтать...»

Но тут мои рассуждения были прерваны весомым аргументом, зажатым в кулаке того, кто был сзади. Кажется, это была монтировка...

* * *

Голова лежала отдельно от туловища. Я поднял руку и пощупал затылок. Что-то мягкое и шершавое. Пахнет химией и немытым мужским телом.

А еще почему-то темно.

– Где я? – лучшего вопроса в мою тугую голову не при-

шло.

– В больнице, – нехотя ответили слева. – В девятке.

– А почему темно? Ночь, что ли?

На сей раз ответ последовал после небольшой паузы и уже справа.

– День... Ты че, не видишь?

– Не-а, – я пощупал верхнюю часть головы, но повязки на глазах не обнаружил.

– Ясно, – без энтузиазма прокомментировал голос слева.

– Обход уже был? – спросил я.

– Был, – буркнули слева, и я решил пока воздержаться от содержательной беседы.

Я попытался ощупать себя на предмет других ранений, кроме очевидного сотрясения мозга. Ребра все целы... на руках пару ушибов, это, наверное, когда падал... ноги целы, шевелятся, боли нет... цирроз на месте... почки не задеты.

Создалось такое ощущение, что удар по затылку монтировкой был единственным. И, к сожалению, не смертельным. Я малодушно огорчился: ну что стоило ребятам тюкнуть меня посильнее? Сейчас кайфовал бы в оболочке какого-нибудь профессора или банкира. Или популярного певца – давно меня не заносило в артиста. А так... Лежу тут с чугунной башкой, да еще, похоже, и ослепший.

И в туалет жутко хочется.

Я попытался встать, но голова весила не менее полутонны.

– Сестра! – крикнул я. – Можно мне утку?

Никто не отозвался.

– Сестра! – я повысил голос. – Утку бы мне, а? Очень нужно!

Послышалось какое-то шевеление и шарканье.

– Утку, – виновато повторил я, протягивая на звук руку, – а то сил нет терпеть.

В руку ткнулось стекло утки.

– Спасибо, сестричка! – сказал я как можно душевнее, пристраивая утку.

– Какая я тебе, нахрен, сестричка? – недовольно проскрипел мужской голос. – Тут сестричку только на доллар заманить можно. И поосторожнее там, это моя персональная утка!

* * *

Несколько дней я надеялся, что обойдется, зрение вернется. И действительно, иногда в глазах немного светлело, я мог разглядеть палату и силуэты соседей. Но очень быстро возвращалась полная тьма. Лечащий врач на обходе был не слишком любезен, на все вопросы отвечал: «Расслабьтесь, всех вылечим» – и старался побыстрее проскочить нашу палату.

Тут лежали все «непрестижные», а доктор спешил к «престижным». Это мне объяснил Макар Антонович, тот самый сосед, что поделился уткой в первый день. Он вообще ока-

зался мужик неплохой и душевный, хотя душевности своей стыдился и все норовил нахамить. Это у него получалось плохо – время от времени прорывался правильный русский, который отличает учителей-языковедов советской закалки. Я прямо спросил – он прямо ответил, что учителем он был раньше, а теперь обуза на шее родного государства.

Четверо других были тоже обузами разной степени тяжести. Двое бомжей, которые всячески старались оттянуть выпisku, стонали и жаловались на все подряд. Фрезеровщик Егор, едва не лишившийся пальца, выйдя на смену пьяным. Этот ни о чем другом говорить не мог, кроме как матерно крыть заводское начальство, периодически расширяя круг виноватых до правительства. А еще с нами лежал совсем молодой мальчишка. По голосу ему было лет двадцать. Я его сначала принял за медика – слишком квалифицированно он обменивался терминами с лечащим врачом – но потом соседи со смехом объяснили, что Санек тут от армии косит. Он все медицинские справочники наизусть выучил, лишь бы не отдавать долг Родине.

Никого из нас никто никогда не навещал, даже нянечка убирала раз в три дня, поэтому все страшно возбудились, когда в палату заглянул посетитель. Им оказался мой участковый, Вениамин Петрович.

Он был очень смущен, притащил апельсины (цитрусовый запах сразу перебил больничные ароматы). Меня почему-то называл на вы.

– Вы, Петрович, не волнуйтесь, мы этих гадов найдем! Я даже подозреваю, кто это, – участковый понизил голос, – таксисты местные. Они раньше... хм... этот бизнес контролировали. А тут вы...

– Тезка, – взмолился я, – мы же вроде на ты были?

– Ну да, – он замялся, – я же тогда не знал, кто вы...

И он поведал удивительную историю. Оказывается, меня нашли вовсе не на остановке, а в моей собственной квартире. Дверь была открыта ключами. Нехитрый скарб перерыли, вытащили все деньги и все спиртное. Когда туда прибыл Вениамин Петрович, чтобы составить протокол, наткнулся на мои наброски, заинтересовался... ну и прихватил с собой.

– Вы не думайте, – извинялся участковый, – я не чтобы присвоить. Просто... понравились очень. Решил показать одному... Есть у меня один знакомый искусствовед... или что-то вроде...

И вот показывает мой полутезка эскизы искусствоведу, а тот за сердце хватается. «Боже! – кричит. – Это же талант! Самородок! Смотрите, как он стремительно прогрессирует!»

– Он там еще что-то говорил, – вздохнул участковый, – только я не запомнил. Он очень просил о встрече... Но я решил сначала с вами посоветоваться. Вы ведь не против?

Башка гудела, и я не мог сообразить, против я или нет. Я быстро провел подушечками пальцев по казенному одеялу. Нашупал на нем выпуклый узор и принялся его поглаживать. Как я выяснил в результате экспериментов, это нехит-

рое действие меня успокаивает.

А теперь помякать панцирную сетку – мозги прочищает.
– Этот профессор предлагает, – продолжил Вениамин Петрович, не дождавшись ответа, – подучить вас немного. А потом персональную выставку. Он говорит, вы талантливый художник, один на миллион...

И тут раздался хохот фрезеровщика:

– Твою ермолку! Художник, блин! Он же слепой, как чу-чело! Ты чего, командир, не заметил?

Я кожей почувствовал, как окаменел участковый.

– Ннне может быть... Как?..

– А вот так, – грустно отозвался я, вызвав новый приступ веселья фрезеровщика. – Тюкнули эти таксисты мне по затылочку монтировочкой – и все. Полная темнота.

Со стороны койки Макара Антоновича раздалось приглушенное шипение. Наверное, бывший учитель пытался урезонить ржущего пролетария. Добился он только того, что фрезеровщик от изнеможения перешел на похрюкивание.

– Ах, суки, – с чувством сказал Вениамин Петрович, – они же говорили... Ну я их найду!

Раздался грохот отодвигаемой табуретки, но я уже привел мысли в порядок и отпустить моего посетителя не собирался. Мои пальцы резвились среди пружин, и легкое покалывание бодрило не хуже крепкого кофе.

– Вениамин Петрович, – сказал я весело, – а приводите своего искусствоведа! У меня есть к нему предложение!

Из угла фрезеровщика донесся всхлип:
– Я щас сдохну!

* * *

– Слушай, Петрович, – сказал сосед слева, – а ты что, точно художник?

После визита участкового мой авторитет в палате вырос почти до уровня Путина.

– Учился, – коротко ответил я.

Не то чтобы брезговал беседой, но сосредоточился на другом. Мои пальцы и ладони шарили по одеялу, выискивая нужные шероховатости и выстраивая складки по определенной схеме.

– А че? – хохотнул фрезеровщик. – Был же глухой композитор! Че бы не быть слепому художнику?!

Теперь у него появилась новая тема для разговоров, и я искренне скучал по тем временам, когда выслушивал многоэтажные пожелания руководству завода.

Пальцы и ладони старательно отыскивали, выглаживали, сминали...

– Ну и как оно, – продолжал любопытствовать сосед слева, – много художники получают?

– Хрен его ведает, – тут я был совершенно честен. – Я ж только учился.

– И не узнал? – сосед был откровенно разочарован. – Чего

учился, если расценюк не знаешь?

– Ради идеи! – неожиданно подал голос пацан-«косильщик».

– Помолчал бы! – проскрипел Макар Антонович. – Что ж ты в военном комиссариате об идеях забываешь?!

В палате тут же завязалась живая дискуссия на тему «Духовное и материальное – что важнее?». Меня оставили в покое, всем кагалом навалившись на юного идеалиста.

Я продолжал свои манипуляции. Должно быть, со стороны казалось, что я просто нервничаю – руки снуют над одеялом, как ткацкие челноки. Иногда замирают, что-то сминают или разглаживают, снова проверяют. Я понимал всю степень риска. Молился богу, которого пока не встречал во Вселенной, чтобы искусствовед имел не только тонкую душу...

...И вздрогнул, когда услышал над самым ухом:

– Здравствуйте, любезнейший! Вы позволите присесть на вашу постель?

– Нет! – я испуганно раскинул руки над одеялом, как курица, которая пытается прикрыть птенцов от падающего камнем коршуна.

– О, – только и смог сказать гость.

– Вы его извините, – послышался голос Вениамина Петровича. – У него травма. Сотрясение мозга...

– ...и потеря зрения, – добавил я. – Прошу простить, но садиться на кровать не нужно. Меня зовут...

– Александр Петрович, – сказал гость, – я уже знаю. А я

Михаил Леонидович, кандидат искусств.

– Очень приятно, Михаил Леонидович, – я счел нужным слегка наклонить голову.

Впрочем, при этом старался не пошевелиться. Одеяло ни в коем случае не должно потерять форму.

– Как вы понимаете, – я старался говорить сухо, почти строго, – путь в изобразительное искусство для меня закрыт.

– Ну... – кандидат искусств явно пытался меня приободрить. – Медицина сейчас...

– Не с моими деньгами... Извините, что перебиваю.

Я вдруг понял, что вся палата превратилась в одно большое ухо. Это плохо... Могут украсть идею... Хотя кому тут красть? Не тот контингент.

– Поэтому мне пришлось изобрести новый вид искусства, – я сделал паузу. – Кинестетический. Или, если угодно, тактильный.

Кто-то – наверняка бывший учитель – уважительно прищелкнул языком. Фрезеровщик, к счастью, пока не видел причин для веселья.

– Это... – Михаил Леонидович пока не понимал, куда я клоню. – Это, простите, как?

– Дайте руку!

Я протянул обе руки в сторону голоса, ладонями вверх. После паузы (с участковым перемигивался, что ли?) искусствовед осторожно положил на них свою руку. Я аккуратно, но цепко схватил ее и слегка пробежался пальцами. Теп-

лая... кожа тонкая. Лучше не придумаешь!

– Не волнуйтесь, Михаил Леонидович, – я улыбнулся, искренне надеясь, что улыбка слепого не выглядит слишком жутко, – больно не будет.

Я аккуратно перевернул его руку ладонью вниз. Он все-таки был слишком напряжен...

– В таких случаях, – нервно сказал искусствовед, – врачи обычно врут: «Вы ничего не почувствуете!».

– О, нет! – таинственно сказал я. – Почувствуете! И еще как!

Я осторожно опустил его ладонь на одеяло.

– Ой, – сказал Михаил Леонидович как-то совсем по-детски. – Как... как странно...

Я порадовался. С первого раза попал на зону расслабления – хорошее начало. Рука кандидата искусств почти не сопротивлялась, когда я нежно передвинул ее вдоль одеяла.

Михаил Леонидович замер... и рассмеялся звонко и счастливо.

– Щекотно? – мой участковый, кажется, плохо понимал, что происходит.

Как, надеюсь, и все остальные, кроме искусствоведа.

– Не-а! Здорово! Весело! Вот это да! А еще что у вас есть?

– Немного грусти, если позволите.

– Только потом верните в эту зону, ладно? – по голосу искусствоведа было件нятно, что он улыбается.

– Любой каприз! – ответил я и передвинул его руку на

десять сантиметров вправо.

* * *

Я как раз заканчивал небольшую композицию, когда в дверь мастерской постучали. Деликатно, нервно – это искусствовед Миша.

– Занят! – крикнул я.

У меня действительно сейчас был важный этап – придание профилю нужной шероховатости. Для этого нужно насыпать крупный песок по поверхности, на которую нанесен клей. Сыпать нужно очень равномерно, чтобы не пришлось потом сдирать лишнее.

Но Миша постучал вторично. Это было странно. Обычно после моего «Занят!» он затихал на полчаса и стучать более не отваживался, только покашливал. Значит, причина есть, и неотложная.

– Минуту! – сказал я тоном потише, но засыпку завершил.

Тщательно протер руку ветошью (вдруг Миша наконец привел нужного человека?) и только после этого отпер. Запах чужого одеколona заставил сердце биться сильнее. Это был отличный одеколон, дорогой, не резкий. И нанесен без фанатизма, с чувством меры.

Его хозяин вполне мог оказаться человеком, который мне нужен. Поэтому я решил сделать вид, что не заметил его. Пусть посмотрит на товар без упаковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.